

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» История создания. Вопрос о композиции

Поэзия Николая Алексеевича Некрасова — это поэзия глубокого анализа, сильного чувства, высоких идей. Она заставляет читателя думать, искать новое, протестовать против неправды. Она совмещает в себе высокий гражданский пафос, глубокие лирические размышления, гневную сатиру, высокую патетику.

Работу над поэмой «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов начал в середине 1860-х годов. Точная дата начала работы над первой частью поэмы неизвестна, однако в конце рукописи есть авторское обозначение: «1865 г.». Хронология поэмы, ее жизненная основа связаны с общественной атмосферой именно пореформенного времени, с отменой крепостного права в 1861 году.

Зимой 1866 года подписчики «Современника» стали первыми читателями нового произведения Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: в журнале было напечатано начало поэмы — пролог. В прологе Некрасов стремился сразу же обнаружить главную, коренную мысль — «идею» своей поэмы, указать на значительность ее, предупредить о грандиозности и долговременности событий, которые в поэме совершатся. Потому-то сама поэма росла год от года, являлись новые и новые части и главы. Прошло более десяти лет, и все же к моменту смерти автора она осталась неоконченной.

В классической русской литературе, как, может быть, ни в какой другой, есть несколько произведений, которые, входя в самый первый художественный ряд, тем не менее производят впечатление незаконченных («Евгений Онегин» Пушкина) или и в самом деле не закончены («Мертвые души» Гоголя). К их числу принадлежит и поэма «Кому на Руси жить хорошо».

В этом случае к обычным загадкам, которые несет всякое великое явление искусства, добавляются новые: что сделал бы автор со своими героями дальше, куда бы их повел. Особенность подобных «незавершенных» произведений связана с самой эпической сутью русской литературы, которая обращена к жизни в целом и, не сковывая себя, не столько следует «сюжету» и «герою», сколько отдается движению, потоку самой жизни.

Сам Некрасов своего расположения уже законченных частей поэмы не оставил — не успел (или не смог?). Вот и расставляют исследователи и издатели эти части на разный манер. Сомнений не вызывает только первая часть. Да и здесь не все ясно, что делать с прологом: то ли это пролог ко всей части, то ли ко всей поэме. Именно в прологе сформулировался рефрен — «кому живется весело, вольготно на Руси», который постоянным напоминанием пройдет через всю поэму.

Кажется, замысел поэмы четко намечен в прологе. Семеро крестьян затевают спор о том, каким группам населения «на Руси жить хорошо», и в совокупности как будто совершенно правильно определяют эти группы. Но, не знакомые с жизнью верхних слоев общества, они решают совместно выяснить, «кому живется весело, вольготно на Руси», и для этого опросить представителей всех названных групп.

Пока здесь нет еще ничего странного, кроме разве того, что все спорящие принимают презумпцию, согласно которой хорошо живется лишь одному из названных кандидатов — то есть либо помещику, либо чиновнику и т. д., — в результате чего и возникает спор, переходящий в жестокую драку. Но это — условность, мотивирующая дальнейшее путешествие спорщиков и мотивированная фольклорно-сказочным колоритом пролога. Вообще же не было бы, кажется, ничего странного, если бы поэт захотел показать «вольготную» жизнь господствующих слоев общества как бы увиденной глазами самого народа и судимой его судом, подобно тому как это сделал впоследствии Лев Тол-

стой в «Плодах просвещения». Странность же замысла поэмы Некрасова состоит в том, что никто из опрашиваемых кандидатов в счастливые не признает себя счастливым и каждый убеждает опрашивающих странников в том, что не он тот счастливец, которого они ищут. А поскольку среди низших слоев уже заведомо нет счастливых, их, значит, нет ни в одном слое общества.

В написанных частях поэмы из предполагаемых счастливцев опрошены лишь поп и помещик, в черновике еще чиновник. Все они считают себя несчастными. Но ведь нелепо было бы предположить, что по замыслу поэмы несчастливая доля попа, помещика и чиновника должна была быть противопоставлена счастливой доле купца, министра или царя. Значит, несчастливы и они.

Замысел Некрасова документирован мемуарным свидетельством Глеба Успенского, который так передает свой разговор с поэтом:

Однажды я спросил его:

— А каков будет конец «Кому на Руси жить хорошо»?

— А вы как думаете? Н. А. улыбался и ждал.

Эта улыбка дала мне понять, что у Н. А. есть на мой вопрос какой-то непредвиденный ответ, и, чтобы вызвать его, я наудачу назвал одного из поименованных в начале поэмы счастливцев.

— Этому? – спросил я.

— Ну вот! Какое там счастье!

И Н. А. немногими, но яркими чертами обрисовал бесчисленные черные минуты и призрачные радости названного мною счастливца.

— Так кому же? – переспросил я.

И тогда Н. А., вновь улыбнувшись, произнес с расстановкой:

— Пья-но-му!

Затем он рассказал, как именно предполагал окончить поэму. Не найдя на Руси счастливого, странствующие мужики возвращаются к своим семи деревням: Горелову, Неелову и т. п. Деревни эти «смежны», стоят близко друг от друга, и от каждой идет тропинка к кабаку. Вот у этого-то кабака встречают они спившегося с кругу человека, «подпоясанного лычным», и с ним, за чарочкой, узнают, кому жить хорошо.

Подобный финал, вероятно, означает, что в стране, где нет подлинного счастья, возможно лишь иллюзорное счастье, символом которого и является счастье пьяного. Успенский не раскрывает, кого из предполагаемых счастливцев он назвал Некрасову. Цензурный характер умолчания Успенского очевиден: любой другой кандидат, кроме царя, мог быть назван прямо. А уж если и царь несчастлив, что же говорить о прочих кандидатах? Итак, Некрасов положил в основу поэмы мысль о том, что сильные мира сего, включая самого царя, — совсем не счастливые люди, что нет и не может быть счастливого на Руси.

Некрасов мечтал закончить поэму «Кому на Руси жить хорошо» и горько сожалел во время тяжелой предсмертной болезни о невозможности сделать это. А.С. Суворин рассказывает:

Большие надежды возлагал он на свою поэму «Кому на Руси жить хорошо». Уже больной, он раз говорил с одушевлением о том, что можно было бы сделать, «если б еще года три-четыре жизни. Это такая вещь, которая только в целом может иметь свое значение. И чем дальше пишешь, тем яснее представляешь себе дальнейший ход поэмы, новые характеры. Начиная, я не видел ясно, где ей конец, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала».

А.А. Буткевич писала С.И. Понамареву 13 декабря 1878 года:

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» была любимым детищем брата; он часто во время болезни вспоминал о ней и еще незадолго до смерти сказал: «Одно, о чем сожалею глубоко, это — что не кончил свою поэму “Кому на Руси жить хорошо”».

Окончание поэмы должно было быть связано с Гришей Добросколоновым или людьми его типа. На это указывает письмо Некрасова к А.Т. Малоземовой от 2 апреля 1877 года. Прочтя опубликованные части «Кому на Руси жить хорошо», сельская учительница Малоземова написала Некрасову письмо с опровержением основной мысли автора о том, что счастливых на Руси нет. Она писала, что чувствует себя счастливым человеком, несмотря на то что стара, некрасива, бедна. Она счастлива тем, что посвятила свою жизнь народному благу, воспитывает из крестьянских детей людей «с сознанием человеческого достоинства» и отдает народу все свои силы. Отвечая на это письмо, Некрасов писал: «Счастье, о котором Вы говорите, составило бы предмет продолжения моей поэмы — ей не суждено окончиться».

Возможно, так преобразовалась идея поэмы. Счастливые есть на Руси, это друзья народа, — от тех, которые скромно работают для его блага, до тех, которые готовы умереть за народ.

Гриша Добросколонов — человек счастливый и в своем сознании, и по оценке автора. Но, если Некрасов мечтал продолжить и закончить поэму, Гриша Добросклонов и ему подобные должны были быть сведены с семью странниками и признаны счастливыми их решением.

А возможно, заключая поэму, Некрасов так и не видел ясно, где ее конец. Да и возможен ли в такой поэме конец? Очевидно, дело не в том, что можно было получить однозначный ответ, указать пальцем: «Вот — счастливый...» Однако Некрасов, хотя уже и не надеялся на завершение работы, все же страстно желал обнародовать то, что — это становилось ясно — должно было оказаться пусть не окончанием поэмы, но все же концом работы над ней, хотел, как, наверное, сказал бы кто-нибудь из героев Достоевского, «мысль объявить». Хотя поэма осталась неоконченной, и в этом смысле Некрасов, подобно Пушкину, уносил с собой некую неразгаданную тайну, но — «мысль объявлена». Если главный тезис всего позднего творчества Некрасова — «Дряхлый мир на роковом пути», то главный в нем же антитезис этому — любовь, посылка к другим, круговая порука — «Пир на весь мир».

Скрытый, замкнутый, хандрящий, раздраженный, грустный Некрасов, как, может быть, никто в русской литературе, нес в себе эти начала. Оказалось, что в стихах четвертьвековой давности он пророчески написал и о себе:

Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!